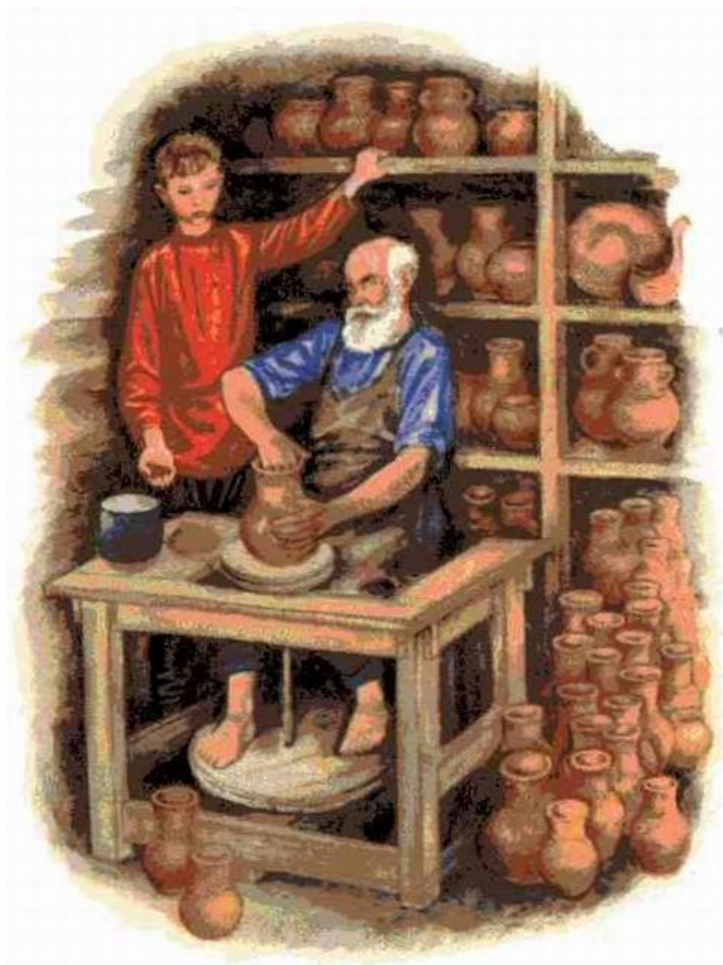

Евгений Пермяк — Тайна цены: Сказка

У дедушки Гордея легкая работа была. Он из раковин пуговицы высекал. При дедушке дотошный паренек-сирота Сергунька за родного внука жил. Все-то ему знать надо, до сути дойти. Как-то понадобилось Сергуньке обутки, одежду справить. Вырос из старого и к тому же поизносил. Гордей и говорит ему:

— Пойдем, Сергунька, на берег — хорошие обутки, пригожую одежду искать.

— А разве ее на берегу ищут? — спрашивает Сергунька.

— Пойдем, внук, увидим.

Пришли.

— Гляди, внук, сколько сапожонок, рубашонок, портков, картузов на берег волны выбросили. Знай собирай в мешок, — говорит дед Гордей и не смеется.

— Да это же раковины, дедушка. Как их наденешь?

— А ты, внук, знай собирай. Дома разберемся.

Набрали они по мешку раковин, пришли домой, выварили их, пообчистили как надо и за работу принялись. Пуговицы высекают стали. Гордей высекает, Сергунька зачищает. Дед дырочки в пуговичках сверлит, а внук их по дюжине на листки пришивает. Весело дело идет. Много дюжин наделали. Хорошие пуговички получились. Крупные, с радужным отливом. В город поехали, в лавку сдали, расчет получили. Хватило расчета на сапоги и на картуз, на рубаху и на штаники, да еще на чай-сахар, белый хлеб осталось и новые сверла купили. Довольнешенек дед. Посмеивается, трубочкой попыхивает.

— Гляди, Сергунька, сколько мы всякого добра из раковин добыли!

Задумался дотошный Сергунька, деда спрашивает:

— Как же это так получилось, что даровые раковины стоить стали? Новым картузом обернулись, кумачовой рубахой, плисовыми портками, сапогами со скрипом?

— Цена в них вошла, — говорит на это дед.

— А когда она в них вошла, дедушка?

— Не ведаю.

— Может быть, при высечке?

— Знал бы, так сказал, — хитрит дед. Хочется ему, чтобы внук сам до сути дошел.

А внук свое:

— Может быть, при сверловке, дедушка?

А тот опять хитрит:

— Не ведаю. Тайная это сила для меня. Давно на берег хожу — даровые раковины ношу, а отчего они стоить начинают, когда в них цена входит, ума не приложу. Сходи-ка ты к гончару-кувшиннику. Может быть, у него выведаешь, когда тайная сила цены в даровую глину входит.

Пришел Сергунька к гончару-кувшиннику. Видит: гончар даровую глину в горе копает, с песком ее мнет и водой разбавляет. Квасит. Сергунька глаз не спускает. Смотрит, когда в даровую глину цена войдет.

Кувшинник тем часом бросил комок мятой глины на кружало, завертел его и принялся кувшин выкруживать. Выкружил кувшин, взял другой комок мятой глины, вытянул его, выгнул лебязьей шеей и на кувшин ручкой приставил. Потом достал резец-палочку и принялся изукрашивать кувшин. Изукрасил его цветами-розами, заморскими птицами, виноградом-смородиной, потом раскрасил это все и обжигать стал.

Обжег кувшинник кувшин, вынул из печи. Сергунька даже попятился, загляделся на синих птиц с изморозью, на золотой виноград с чернетью. Незнаемой цены кувшин. А когда в него цена вошла, этого он не увидел, и кувшинник толком сказать не может.

— То ли, — говорит, — на кружале, то ли, — говорит, — в печи. А может быть, она от резца-палочки. Сходи-ка лучше, парень, к лодочнику. Он из дерева ценные лодки выдалбливает. Там, может, виднее будет.

Тоже хитер был дедушкин однокашник. Хотел, чтобы Сергунька сам хитрую тайну цены понял.

Пришел Сергунька к лодочнику в тайгу. Лодочник в два обхвата даровое дерево валит. Отпилил сколько надо, долбить лодку принялся. Выдолбил, обтесал, распарил, бока распорками развел. Развернулась лодка. Нос, корма поднялись — цену лодке прибавили.

Смекать Сергунька начал, как и чем лодочник в дерево цену загоняет. К другим глядеть пошел. К мочальникам, что даровое липовое лыко дерут-мочат, в мочалу треплут, а из мочалы стоящие кули ткут.

У берестяников побывал, что из даровой бересты туески-лукошки, пестерьки-сумки для продажи вырабатывают, а до корня цены не дошел.

И у рыбаков побывал. Рыба тоже даровой в реке плавает, а поймай ее — в ней тайная сила цены объявится. И всюду так. Глядеть — замок прост, а ключа не находится.

К каменотесу забрел. Разговорился про ключ цены. А тот ему и говорит:

— Пока сам работать не начнешь — ключа не найдешь.

Очень хотелось Сергуньке ключ цены найти. Пробовать стал камни тесать. Не сразу. Сначала подтаскивал. Подтащит камень-другой и ценить его начинает. В горе лежал камень — даровым был. На место пришел — стоить начал.

Научил его каменотес бока у камня прямить. Для строительства не какой попало камень идет — мерный. Отешет Сергунька другой-третий камень. Видит — опять в них цена прибыла.

Фаску научил его каменотес снимать. Как даст Сергунька фаску камню — его цена чуть не вдвое вырастет.

Ну, а когда пузатые колонки, кудрявые капительки научился Сергунька из камня высекать, тогда и спрашивать больше не стал, в чем тайная сила цены. Сам понял. Понял и решил у дедушки побывать.

Приходит к дедушке и говорит:

— Я, дедушка, каменотесом стал. Львов-тигров, даже ценных каменных див высекаю. Яшменные пуговицы тебе на пробу высек. Бери.

Глядит дед на подарок: одна другой пуговицы краше.

— Большую цену за них дали бы, — говорит дед Гордей. — А в чем тайная сила цены, выведал?

— Нет, дедушка, не выведал. Сам дошел, когда работать начал. В руках, дедушка, тайная сила цены. В моих, в твоих, в Кувшинниковых, в лодочниковых — в трудовых руках.

Так открыл Сергей великую тайну цены, нашел ключ ко всем замкам. И на что ни поглядит теперь — на дом ли, на стол ли, на узорчатую ткань, на ржаной хлеб, на радужные пуговицы — труд человека видит: цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни.

